„Пров

КОНСТИТУЦІЯ, САМОДЕРЖАВІЕ

и

ЗЕМСКАЯ ДУМА.

А. КОШЕЛЕВА.

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1862.

„Прав 49“

2 экз
К

Мы издали, въ началѣ нынѣшняго года, книжку*), которая обратила на себя вниманіе соотечественниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границею. Никто не упрекнулъ насъ въ невѣрности или преувеличеніи выставленныхъ фактовъ; многіе высказали свое сочувствіе къ нашимъ убѣжденіямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они почти всѣ заявили удивленіе или сожалѣніе, что мы подали голосъ противъ конституціи и за самодержавіе. Одни сочли это заблужденіемъ, славянофильскимъ предразсудкомъ; другіе видѣли въ этомъ уловку, съ цѣлью дать правительству удобнѣе проглотить указываемое лекарство; а нѣкоторые приняли такія наши рѣчи за средство, нами избранное, къ безопасному возврату и пребыванію въ Россіи. Нѣтъ! Ложь

*) Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія. Лейпцигъ. 1862

всегда ложь; мы вовсе не за то правило, что цѣль освѣщаетъ средства; если слова не выражаютъ убѣжденій человѣка, то они безчестны. Пояснить, дополнить, оправдать прежде сказанное — стало для насъ непремѣннымъ долгомъ — вотъ причина появленія этой новой книжки.

При семъ случаѣ, мы сочли не лишнимъ отвѣтить на нѣкоторые другіе упреки, возраженія и вопросы, намъ, съ противоположныхъ сторонъ, сдѣланные по поводу предложеннаго созыва Земской Думы.

А. Кошелевъ.

23 Августа / 4 Сентября 1862.
Остендъ.

I.

Какъ можно подать голосъ противъ конституціи и за самодержавіе!

Мы знаемъ болѣе дюжины Французскихъ конституцій, столько же Нѣмецкихъ, знаемъ Белгійскую, Испанскую, Итальянскую и нѣкоторыя другія; но Англійской конституціи мы не видали, и никто намъ ее показать не можетъ; потому что, въ Англіи, она составлялась въ продолженіи вѣковъ, постепенно, такъ сказать поштучно, по востребованію обстоятельствъ, по мѣрѣ проявленія народныхъ нуждъ, и заключается въ многочисленныхъ и огромныхъ томахъ собранія билей Англійскаго парламента. А между тѣмъ гдѣ настоящая свобода? Гдѣ дѣйствительно существуетъ конституція? — Франція прошла черезъ всякія ограниченно-королевскія, республиканскія и имперскія конституціи, и наконецъ, по милости этаго конституціоннаго ма-

скерада, достигла такой общественной безнравственности, что уже не вѣритъ ни въ какое уложеніе, и въ восторгѣ de son grand empereur, котораго произволъ есть почти единственный законъ Франціи. — Въ просвѣщенной Германіи, гдѣ въ каждомъ уголкѣ своя конституція, еще такъ мало понимаютъ конституціонализмъ, что Прусскій король могъ, при своей коронаціи, произнести какія то полу-мистическія, полу-пошлыя слова; что теперь оффиціальная его газета грозитъ какимъ-то coup d'état; и что въ Гессенъ-Касселѣ перемѣна министерства и возвращеніе къ конституціи произошли не самостоятельно, не въ силу внутреннихъ настояній, а по требованіямъ извнѣ. — Италія проходитъ черезъ горячку революцій; а Испанія едва знаетъ какой образъ правленія она имѣетъ. — Белгія же обязана, своею свободою и спокойствіемъ, мудрости своего истинно и глубоко либеральнаго короля и въ особенности двумъ обстоятельствамъ: своей территоріяльной ограниченности, своей незначительности въ семьѣ европейскихъ державъ, доставившей ей гарантированный неутралитетъ; и близкому сосѣдству Франціи, всегда готовой, при первомъ замѣшательствѣ, вступить въ Белгійскіе предѣлы для востановленія *порядка*. — Самостоятельно существуетъ свобода только въ Англіи, но

тамъ-то и нѣтъ *сочиненной*, *дарованной* или *насильемъ взятой конституціи*.

Конституція, т. е. государственное уложеніе, есть не слово а дѣло. Она не сочиняется; хотя правда, въ теченіи послѣднихъ семидесяти лѣтъ, мы видѣли столько произведеній по этой части, что можно изъ нихъ составить особый родъ литературы, и сдѣлать его даже темою упражненій для школьниковъ; но что̀ это за конституціи? Онѣ никогда не переживали своихъ авторовъ, а иногда и года своего изданія. Конституція безъ корня въ народной жизни, — конституція не развившаяся дома, изъ нуждъ своего народа и своего времени, есть бумага, фразы, общія мѣста, но отнюдь не государственное уложеніе. Нѣтъ никакой причины не мѣнять такой конституціи, ибо сегодня одно сочиненіе нравится, а завтра другое можетъ быть одобрено бо̀льшимъ числомъ голосовъ. Государственное уложеніе, достойное этаго имени, должно возникать мало по малу: нѣсколько главныхъ положеній указываются, такъ сказать продиктовываются мѣстными и народными нуждами, и эти основанія потомъ развиваются, опредѣляются, совершенствуются, по востребованію обстоятельствъ и духа народнаго, и, содержа въ себѣ исторію, жизнь народа, они становятся столь же твердыми,

малоизмѣнными, какъ и самое его бытіе. Такое уложеніе есть дѣйствительно коренной законъ для страны — ея твореніе, а не сочиненіе Петра или Ѳеодора, или собранія депутатовъ, въ которомъ большинство опредѣляется иногда случайно, а иногда и подъ дѣйствіемъ увлеченій или даже корыстныхъ побужденій.

Конституція не дарується; ибо она не должна быть произведеніемъ одной власти, одного государя, какъ бы впрочемъ онъ ни былъ благонамѣренъ и просвѣщенъ. Даже призванные имъ совѣтники не могутъ ему помочь въ этомъ дѣлѣ: людямъ такъ свойственно быть пристрастными къ власти, въ удѣлѣ которой они надѣются участвовать, что они не преминутъ оставить ей какъ можно болѣе простора, а народу дать какъ можно мѣнѣе свободы и участія въ дѣлахъ общихъ. Конституція односторонняя, предоставляющая правительству излишнюю долю произвола, не укрѣпляетъ а ослабляетъ его; ибо она возбуждаетъ противъ него борьбу народа, который, оставаясь не удовлетвореннымъ и не успокоеннымъ, и опасаясь каждую минуту дѣйствій правительственнаго самоуправства, считаетъ долгомъ быть всегда на стражѣ и становится къ правительству въ враждебныя отношенія. Стоитъ вспомнить исторію Французской

charte octroyée (хотя та была и не вполнѣ дарована, а дана до нѣкоторой степени обязательно, по требованію Европейскихъ державъ); стоитъ подумать о конституціи, дарованной Польшѣ Александромъ I, о томъ какъ она, съ самаго начала, приводилась въ дѣйствіе и какія имѣла послѣдствія; стоитъ вглядѣться въ нынѣшнюю Прусскую дарованную конституцію, и сказанное нами будетъ очевиднымъ для каждаго. Къ тому же народъ, которому можно даровать конституцію, едва ли достоинъ ее имѣть, и едва ли онъ съумѣетъ ее сохранить и ею воспользоваться; а власть, даровавшая такую конституцію, всегда будетъ, если не вправѣ, то въ силахъ, ее по своему истолковывать, измѣнять или даже и вовсе отмѣнить.

Конституція также не берется насиліемъ; ибо народъ какъ бы мудръ и умѣренъ ни былъ, все-таки отмѣрить себѣ такую долю независимости, что при нѣй никакое правильное и сильное правительство невозможно. Республики возможны только при высокой нравственности гражданъ, каковой, въ наше время, нигдѣ не имѣется; или при крайне ограниченномъ объемѣ земель и прочихъ средствъ. Что касается до *монархій, окруженныхъ республиканскими учрежденіями*, бывшихъ въ модѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего

столѣтія, то онѣ существовали только на словахъ, а на дѣлѣ Людвигъ Филиппъ не только царствовалъ, но и весьма дѣятельно управлялъ Франціею. Правило: le roi règne, mais ne gouverne pas, никогда не исполнялось во Франціи, и едва ли, кромѣ Англійской почвы, давшей, по особеннымъ обстоятельствамъ, возможность ему развиться, можетъ гдѣ либо быть приведено въ дѣйствіе. Замѣчательно что и въ Англіи, всѣ важнѣйшія учрежденія, всѣ драгоцѣннѣйшія гражданскія права обязаны своимъ началомъ временамъ мирнымъ; борьбами они были только развиты, утверждены и упрочены.

Нѣтъ! государственное уложеніе должно быть твореніемъ общимъ государя и народа, дѣломъ времени и мѣстныхъ потребностей. Никакой человѣкъ — самый геньяльный, никакое собраніе, составленное изъ лучшихъ людей страны, не въ состояніи сочинить уложеніе: оно должно быть плодомъ народной жизни. Всякое сочиненное уложеніе налагаетъ оковы на ея проявленія, можетъ изказить ее и возбудить борьбу между жизнью, требуемою народнымъ духомъ, и тою, которая устанавливается этимъ сочиненнымъ закономъ. Уложеніе должно быть слѣдствіемъ народной жизни, а не правиломъ, не формулою для нея. При этихъ только условіяхъ, оно надежно, твердо и благодѣтельно.

Нѣкоторые конституціоналисты были особенно оскорблены тѣмъ, что мы рѣшительно высказались противъ двухъ палатъ, съ искусственнымъ уравновѣшеніемъ властей и съ превращеніемъ государя въ царственную куклу. — Мы чрезъ то не думали утверждать, что въ Россіи должна быть непремѣнно одна палата: быть можетъ у насъ установятся палаты и въ множественномъ числѣ; этотъ вопросъ второстепенный и разрѣшится впослѣдствіи. Но мы хотѣли высказать только то: что у насъ борющихся, какъ на Западѣ, элементовъ аристократическаго и демократическаго — нѣтъ; что потому не предстоитъ надобности заниматься уравновѣшеніемъ этихъ двухъ общественныхъ стихій; и что у насъ, нѣтъ необходимости государю быть безстрастнымъ лицемъ, удерживающимъ въ равновѣсіи эти двѣ вѣчно враждующія силы. Мы глубоко убѣждены, что въ Россіи народъ единъ и долженъ оставаться таковымъ; что всякій изъ него выдѣляющійся обрѣкаетъ себя на уединеніе и безсиліе; что сословія у насъ не то, что на Западѣ, такъ сказать отдѣльныя государства въ государствѣ, а только подраздѣленія одного и того же цѣлаго, по роду занятій и интересовъ; что люди должны имѣть возможность свободно переходить изъ одного сосло-

вія въ другое; и что государь долженъ быть нашимъ главою, такимъ же дѣятелемъ, такимъ же человѣкомъ какъ и всѣ мы. Требуемое конституціонализмомъ обезчеловѣченіе государя, есть мысль занятая у Англіи, безъ разсмотрѣнія, безъ достаточнаго ея обсужденія, и не составляетъ вовсе conditio si ne qua non свободы и обезпеченности гражданъ. Во 1-хъ и въ Англіи, это обезчеловѣченіе государя есть болѣе юридическая фиксія чѣмъ дѣйствительный, непремѣнный фактъ: правда, теперь королева Викторія, какъ женщина очень рада быть освобожденною отъ дѣловой отвѣтственности, — правда, многіе изъ ея предмѣстниковъ не любили и не способны были заниматься дѣлами, и потому охотно предоставляли своимъ министрамъ, вмѣстѣ съ парламентомъ, заправлять государственныя дѣла; но и тамъ были дѣятельные государи, которые, не имѣя возможности дѣйствовать прямо, достигали своей цѣли интригами и подкупами. Chassez la nature par la porte, elle revient par la fenêtre. А во 2-хъ и это главное: если законы соотвѣтствуютъ потребностямъ народа и въ немъ укоренились; если общественное мнѣніе сильно и общественная нравственность тверда; то государь, съ своими совѣтниками, не можетъ посягнуть на независимость гражданъ и на ихъ собственность.

Если же законы составлены случайно, почерпнуты изъ теоріи, не имѣютъ твердой основы въ народѣ; если общественнаго мнѣнія нѣтъ или оно еще дремлетъ, а общественная нравственность слаба и спотыклива; то нарушить законы легко и безопасно даже для государя, только царствующаго а не управляющаго: всегда найдутся люди готовые контрасигнировать высочайшія повелѣнія, или палаты, подкупаемыя деньгами, мѣстами, званіями и пр., способныя большинствомъ голосовъ утверждать правительственные проэкты. Сверхъ того, требуемое, такъ называемымъ конституціонализмомъ, обезчеловѣченіе государя противно духу нѣкоторыхъ народовъ, и потому, въ этихъ странахъ, оно почти и невозможно: такъ оно не можетъ осуществиться во Франціи, гдѣ государь-машина никогда не удержится на престолѣ, и гдѣ можетъ царствовать только человѣкъ, внушающій народу, тѣмъ или другимъ, къ себѣ уваженіе; такъ въ Италіи, странѣ, гдѣ люди несравненно сильнѣе отвлеченностей, дѣйствительная общественная сила всегда будетъ сосредоточена въ лицахъ, и Итальянскій парламентъ останется послушнымъ орудіемъ въ рукахъ того, кто пріобрѣтетъ любовь народную, олицетворяя въ себѣ желанія страны. Такъ, и еще въ несравненно высшей степени, невозможенъ въ

юной, мощной и до крайности пространной Россіи, государь осужденный на бездѣйствіе и ничтожность. Нѣтъ! у насъ государь долженъ быть лицемъ живымъ, самостоятельнымъ, настоящимъ главою нашей общины; инаго царя народъ не потерпитъ, и всякіе юридическіе вымыслы къ его обезчеловѣчію, сокрушатся предъ Русскимъ здравымъ смысломъ.

Но, при такомъ царѣ, возможны ли строгое исполненіе законовъ, свобода гражданъ и полезное дѣйствіе Земской Думы? Мы глубоко убѣждены, что все это у насъ возможно только при Царѣ, какъ мы его очертили выше. Произволъ вездѣ имѣетъ поле дѣйствія довольно значительное: это неизбѣжно. Въ Англіи, временемъ и обычаемъ освящены для него нѣкоторые формы, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ министерство дозволяетъ себѣ отступленія отъ закона, нарушенія его, но при собраніи парламента, оно всегда испрашиваетъ себѣ отпущеніе этаго грѣха, т. е. indemnity bill. У насъ еще нѣтъ никакихъ формъ для правильнаго дѣйствія правительства; оно должно ихъ устано вить, иначе Дума, вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ, протратитъ много времени и силъ на пустыя пренія; достаточно чтобы эти пути прокладывались, чтобы эти способы устанавливались въ глазахъ Думы и подъ вліяніемъ ея присутствія.

Еще многіе законы должны быть у насъ изданы, быть можетъ, и не по мнѣнію большинства представителей, а на основаніи строгой справедливости и въ видахъ общаго блага: при нашемъ хаотическомъ, вполнѣ неопредѣленномъ и только, такъ сказать, въ зародышахъ обозначающемся положеніи, — какъ иначе издать и въ первое время измѣнить законы о выборахъ, объ отношеніяхъ крестьянскихъ обществъ къ личнымъ землевадѣльцамъ? Трудно прибѣгнуть къ suffrage universel; ибо онъ на дѣлѣ уже оказался несостоятельнымъ и будетъ всегда такимъ тамъ, гдѣ граждане не достигли равной или почти равной степени образованія и достатковъ. Предоставить представительство сословіямъ, но гдѣ они у насъ? Не даромъ особенно озабочивало нашихъ конституціоналистовъ отсутствіе tiers état, и они желали, во что бы то ни стало, создать его! Къ счастью не все возможно чего хочется: въ Россіи не было и не будетъ этаго сословія, отодвигающаго, на задній планъ, народъ, не дающаго ему голоса въ дѣлахъ общественныхъ или сокращающаго его значеніе до крайности. На первый разъ, избирательные законы должны быть только очерчены въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ (мѣстный обычай и русскій здравый, практическій смыслъ ихъ пополнятъ), и

имѣть цѣлью одно: ни какому изъ нынѣ существующихъ подраздѣленій народа не давать рѣшительнаго перевѣса. По вступленіи Думы въ дѣйствіе, по обнаружившимся въ ней стремленіямъ, видно будетъ кого надобно усилить и чье вліяніе нужно сократить. Это можетъ быть вѣрно и мирно произведено только самодержавіемъ, коего прямой интересъ заключается въ общемъ, а не чьемъ-либо отдѣльномъ благѣ. — Къ тому же и это весьма важно, во всѣхъ насъ, во всемъ народѣ русскомъ наклонность къ произволу и необходимость въ немъ еще такъ сильны, что жизнь безъ него почти невозможна, почти немыслима. Въ этомъ заключается нашъ недостатокъ, нашъ порокъ, но разомъ мы себя передѣлать не можемъ. А потому еще долго, весьма долго произволъ будетъ и долженъ имѣть мѣсто въ устройствѣ Россіи. Если онъ сдѣлается удѣломъ большинства, т. е. низшаго слоя народа, то у насъ будетъ анархія; а при ней могутъ ли существовать законность, обезпеченность гражданъ и свобода преній? Если онъ перейдетъ къ дворянству, даже къ землевладѣльцамъ вообще, то собственно народу будетъ не легче; въ такомъ случаѣ рѣзко очертятся эти два сословія и возникнетъ между ними борьба непрестанная и, быть можетъ, кровавая. Если произволъ сдѣлается удѣломъ Думы, какъ

представительницы народа, то она составитъ такую силу, что ничто не будетъ въ состояніи удержать ее въ границахъ умѣренности; и чѣмъ она будетъ вѣрнѣе представлять народъ, тѣмъ, при безсиліи верховной власти, она можетъ сдѣлаться болѣе опасною и болѣе вредною. Произволъ, еще необходимый для Россіи, можетъ быть, съ мéньшими по крайней мѣрѣ опасностями, сосредоточенъ только въ лицѣ главы государства; ибо во 1-хъ, онъ одинъ; во 2-хъ, поставленъ выше сословныхъ интересовъ и происковъ; и въ 3-хъ, онъ можетъ быть силенъ только въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, разъ утвердившись, сдѣлается для его власти такими границами, которыхъ онъ не въ силахъ будетъ нарушить. Общественное мнѣніе — вотъ единственное ограниченіе власти, и, помимо его, все прочее — слова и пустыя формы.

Но до этаго времени, не будетъ ли правительство своевольничить сколько ему угодно и уничтожать независимые голоса, по мѣрѣ ихъ возникновенія? Это опасно, но къ несчастью, неизбѣжно. Пишите, обнародывайте конституціи какія угодно, но пока у насъ общественное мнѣніе слабо, малопросвѣщенно, не единодушно, по тѣхъ поръ всѣ ваши слова останутся мертвою буквою: мы получимъ ложь въ новомъ видѣ, но отъ дѣла, мы бу-

демъ дальше чѣмъ теперь; ибо минутно будемъ какъ будто удовлетворены, и напрасно потратимъ силы дѣйствительныя.

Вотъ почему мы подали голосъ противъ конституціи. Мы никому не уступимъ въ любви къ свободѣ, къ самостоятельности, къ законности; мы ненавидимъ самоуправство, разгулъ произвола столько же, сколько кто-либо изъ самыхъ пламенныхъ конституціоналистовъ; но мы не хотимъ призрака, обмана, и требуемъ дѣла — дѣла настоящаго, которое можетъ быть совершено только государемъ и народомъ, испытано временемъ и утверждено всѣми ими въ совокупности.

Хотя отчасти уже видно, почему мы за сохраненіе самодержавной власти; однако считаемъ долгомъ еще болѣе пояснить и пополнить наше мнѣніе по сему важному и щекотливому предмету.

Мы подали голосъ за самодержавіе:

Во 1-хъ, потому что знаемъ, что изо ста Русскихъ 99 за него, а народу навязать то, чего желаютъ и требуютъ немногіе — и безразсудно и даже невозможно. Пусть спросятъ народъ Русскій и всѣ страны, къ нему присоединенныя, не исключая ни такъ называемыхъ Остзейскихъ, ни такъ называемыхъ Польскихъ губерній, и огромное большин-

ство отвѣтитъ: „пусть Царь будетъ самодержавенъ;“ ибо собственно народъ несравненно болѣе терпитъ отъ дворянства, купечества, духовенства и въ особенности отъ чиновничества, изъ нихъ набираемаго, чѣмъ собственно отъ самодержавной власти или Царя, котораго онъ считаетъ своимъ защитникомъ, покровителемъ и единственнымъ правосуднымъ карателемъ злоупотребленій. — Къ этому же, при разнообразіи племенъ, составляющихъ имперію, при многочисленности собственно Русскаго и при относительной малочисленности прочихъ народовъ, при недостаточномъ ихъ знакомствѣ между собою и при опасеніяхъ всегда ввозбуждаемыхъ величиною неизвѣстною, — провинціи, окаймляющія наше государство, расположены болѣе къ Царю чѣмъ собственно къ Россіи; и это можетъ измѣниться только впослѣдствіи, когда онѣ убѣдятся что Русскимъ вовсе не свойственно во зло употреблять свою численность, и что нашъ народный духъ, своею широтою, глубиною, воспріимчивостью и терпимостью, можетъ ужиться со всѣми разнообразными племенами, не стѣсняя, не давя никакого и не налагая ни на кого своихъ особенностей.

Во 2-хъ, потому, что самодержавіе вовсе не значитъ безграничный, неразумный, дѣйствующій только по своимъ прихотямъ и взглядамъ, произ-

волъ одного лица. Еще мѣнѣе онъ значитъ самоволіе, самоуправство министровъ, губернаторовъ, исправниковъ и пр., распоряжающихся во имя верховной власти, считающихся себя и являющихся другимъ какими-то царьками. Самодержавіе, какъ его понимаютъ народъ и наша до-Петровская исторія, есть власть единаго государя — полная, но заключенная въ предѣлахъ закона (какъ ей не исполнять, не уважать собственнаго своего творенія!), освѣщенная совѣтами и знаніями народныхъ выборныхъ, и дѣйствующая чрезъ помощниковъ, ею назначаемыхъ изъ среды людей, пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ земли; слѣдовательно такое самодержавіе не есть деспотизмъ, не есть бюрократія; оно не только не враждебно народнымъ вольностямъ, но ими оживляется и укрѣпляется.

Во 3-хъ, потому что, какъ освобожденіе крестьянъ могло быть произведено мирно и быстро только самодержавіемъ, такъ и нѣкоторыя другія мѣры (установленіе правильныхъ отношеній между крестьянами, вотчинниками и горожанами, и между различными мѣстностями и племенами, и пр.) могутъ быть приняты только верховною неограниченною властью. — И въ республикахъ бываютъ времена, когда диктаторства необходимы и они устанавливаются; наше же нынѣшнее положеніе таково,

что ни самодержавіе само по себѣ, ни представительство народное съ ограниченною монархическою властью, не въ состояніи вывести насъ изъ кризиса, въ которомъ мы обрѣтаемся: необходимо для этого соединеніе знанія, которое можетъ доставить только народное представительство, и власти, которая всецѣло пребываетъ только въ самодержавіи.

Въ 4-хъ, потому, что теперь нѣтъ и еще долго не будетъ никакой возможности дѣйствительно ограничить у насъ самодержавіе. Допустимъ что конституція, въ родѣ Бельгійской или Италіянской, сочинена и обнародована, что палаты собраны и дѣйствуютъ какъ нельзя лучше, что они недовольны правительствомъ и отказываютъ ему въ сборѣ податей. Что изъ этаго выйдетъ? Въ другихъ странахъ послѣдовала бы перемѣна министерства; но въ Россіи? Царскій манифестъ, прочтенный въ церквахъ, всесиленъ: крестьяне, мѣщане, купцы и духовенство станутъ на сторону Царя, и тогда конституція, пересаженная изъ чужихъ краевъ, останется только въ „Полномъ собраніи законовъ,“ памятникомъ законодательной лжи и представительнаго безсилія.

Еще много другихъ причинъ къ удержанію самодержавной власти; но сказаннаго нами кажется достаточно для уясненія дѣла. На долго ли,

на всегда ли самодержавіе для Россіи необходимо — этотъ вопросъ рѣшится временемъ и не составляетъ злобы дня сего. Вѣрно, несомнѣнно одно: теперь и еще на долго эта власть необходима.

Знаемъ, вполнѣ цѣнимъ и отчасти раздѣляемъ опасенія, внушаемыя самодержавіемъ людямъ, искренно и глубоко преданнымъ отечеству и тѣмъ благамъ, которыя оно должно доставлять человѣку — свободѣ слова и дѣла, обезпеченности личной и имущественной, и участію въ дѣлахъ общественныхъ; но создать себѣ положеніе по своимъ желаніямъ — мы не можемъ; мы должны принять то, которое составила для насъ исторія, проникнуться знаніемъ общихъ народныхъ потребностей и средствъ, и содѣйствовать всѣми силами къ тому, чтобы наше отечество, путемъ ему свойственнымъ, достигало тѣ высокія цѣли, которыя предназначены человѣческому обществу.

Мы, съ своей стороны, въ книжкѣ нами изданной*), указали, по лучшему нашему разумѣнію, путь, который долженъ вести насъ мирно, постепенно и вѣрно къ желаемой цѣли. Созваніе Земской Думы въ сердцѣ Россіи есть, кажется намъ, единственный исходъ изъ критическаго, невыноси-

*) Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія. Лейпцигъ. 1862.

маго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Это созваніе должно быть произведено манифестомъ, въ которомъ государь, между прочимъ, всенародно объявилъ бы что, съ сего времени нѣтъ власти выше и внѣ закона; что всѣ проэкты законовъ будутъ предварительно разсматриваться въ Земской Думѣ; что хотя онъ предоставляетъ себѣ право утверждать и мнѣнія меньшинства, но что, безъ обсужденія въ ней, никакой законъ изданъ не будетъ; что никто безъ суда не подвергнется никакому наказанію или взысканію; что какъ смѣта доходовъ и расходовъ, такъ и отчетъ въ нихъ, будутъ ежегодно и благовременно представляться Думѣ; и что народные представители имѣютъ право передавать на ея обсужденіе свои и своихъ губернскихъ собраній мнѣнія, а равно и подавать отъ имени Думы прошенія государю. Эти главныя основанія, указываемыя нынѣшними потребностями Россіи, будутъ нашею Magna Charta, изъ которой впослѣдствіи разовьется наше государственное уложеніе. Земская же Дума, по открытіи своемъ, должна заняться, не обсужденіемъ общихъ мѣстъ, составляющихъ содержаніе извѣстныхъ конституцій, но прямо приступить къ разсмотрѣнію и изысканію мѣръ необдимыхъ къ улучшенію нашего внутренняго упра-

вленія, къ опредѣленію отношеній между гражданами, и къ утвержденію нашего государственнаго, общественнаго и частнаго кредита. При этихъ обсужденіяхъ, выкажутся люди благонамѣренные, умные и хорошо знающіе Россію, и государь можетъ составить изъ нихъ министерство единомысленное, пользующееся довѣріемъ страны, и могущее быть дѣйствительно полезнымъ отечеству. Помимо этого пути, нѣтъ средствъ для государя составить министерство, внушающее Россіи довѣріе и способное устроить и вести дѣла ко благу ея; ибо во 1-хъ, кругъ людей, изъ которыхъ теперь могутъ быть назначаемы министры, очень ограниченъ; во 2-хъ, почти всѣ они не знаютъ Россіи; и въ 3-хъ, (это весьма важно) правительство наше отрѣшилось отъ прежней системы тайны и стѣсненія; а между тѣмъ оно не стало и стать не можетъ, безъ поддержки со стороны народнаго представительства, на почву гласности и общаго содѣйствія; а потому назначаемые министры, какъ бы они сами по себѣ ни были благонамѣренны, умны и свѣдущи, не въ силахъ что либо сдѣлать истинно полезнаго для Россіи. Гласность дѣйствительная не возможна безъ представительства: ибо только оно въ состояніи сообщить правительству силы противудѣйствовать ея злоупотребленіямъ и пользо-

ваться выгодами, ею доставляемыми. Можетъ правительство теперь объявлять правду, доказывать ее фактами и доводами, самыми несомнѣнными, и увѣрять въ чистотѣ своихъ намѣреній; но подозрѣніе и недовѣріе изчезнутъ только тогда, когда мы, чрезъ нашихъ представителей, вложимъ палецъ въ рану. Безъ полнаго же довѣрія, невозможно, со стороны народа, содѣйствіе правительству. Были времена, когда это общее содѣйствіе замѣнялось слѣпымъ повиновеніемъ власти; но эти времена прошли, и какъ невозможно воскресить мертвеца, такъ теперь уже нѣтъ средствъ возвратить жизнь системѣ, доведшей Россію до нынѣшняго ея положенія, осужденной какъ общимъ сознаніемъ, такъ и одновремено предпринятыми, по всѣмъ частямъ, преобразованіями, и сдѣлавшейся почти немыслимою послѣ великаго дѣла — освобожденія крестьянъ.

Для лучшей, болѣе дѣйствительной защиты нашего мнѣнія отъ упрека, дѣлаемаго намъ конституціоналистами, мы позволимъ себѣ, преимущественно à leur bénéfice, выписать слова человѣка, котораго конечно они не заподозрятъ въ недостаткѣ приверженности къ свободѣ и преданности къ кон-

ституціонализму. На дняхъ мы прочли книгу Стюарта Милля: Considerations on representative governement (London 1861), и очень рады сослаться на авторитетъ Англичанина, не только горячаго приверженца своей конституціи, но и друга свободныхъ учрежденій вообще. Вотъ что Стюартъ Милль говоритъ въ главѣ IV своего сочиненія:

„При установленіи лучшаго образа правленія, особеннаго вниманія заслуживаетъ случай, впрочемъ весьма не рѣдкій, когда въ государствѣ часть народа, т. е. отдѣльное сословіе не многочисленное, но значительное, имѣетъ, надъ остальнымъ народомъ, рѣшительное преимущество въ отношеніи просвѣщенія, богатства и пр., въ силу или разноплеменности или другихъ особенныхъ обстоятельствъ."

„При этихъ условіяхъ, массы, управляемыя своими представителями, подверглись бы опасности утратить почти всѣ выгоды отъ бо́льшей образованности высшихъ классовъ, потому что представители сихъ послѣдныхъ преобладая въ собраніяхъ, могли бы имѣть цѣлью униженіе и ослабленіе толпы, которая, въ такомъ случаѣ, не иначе была бы въ состояніи достигнуть лучшаго положенія, какъ цѣною уничтоженія одного изъ драгоцѣннѣйшихъ элементовъ своего дальнѣйшаго прогресса. Для народа, находящагося въ такомъ

положеніи, лучшимъ исходомъ къ преуспѣянію было бы *существованіе власти, неограниченной конституціонными учрежденіями, или по крайней мѣрѣ дѣйствительно преобладающей въ лицѣ главнаго правителя изъ этаго высшаго разряда. Онъ одинъ, въ своемъ положеніи, имѣетъ выгоду въ улучшеніи и возвышеніи массы, не внушающей ему опасеній, и въ созданіи силы, могущей противудѣйствовать домогательствамъ сословія, не рѣдко безпокойнаго.* И если благопріятныя обстоятельства поставили подлѣ него, въ видѣ не контролера, а совѣтника, собраніе представителей изъ этого высшаго сословія, могущее своими возраженіями, преніями и даже энергическими выходками, поддерживать въ странѣ привычки общественнаго сопротивленія, и обратиться со временемъ мало по малу, въ настоящее народное представительство (такъ въ сущности образовался Англійскій парламентъ), то народъ конечно имѣетъ, къ улучшенію своего быта, всѣ средства, какія могутъ только быть въ распоряженіи общества, раздвоеннаго въ отношеніи просвѣщенія и другихъ проявленій гражданской жизни.“

II.

Какъ полагать, что правительство будетъ слушать Думу и не разгонитъ ее, при первомъ проявленіи ею мнѣній самостоятельныхъ и несогласныхъ съ видами людей, во власти обрѣтающихся! Какими средствами Дума обезпечитъ исполненіе своихъ справедливыхъ желаній и требованій?

Наше правительство вовсе не злонамѣренно; напротивъ того, мы глубоко убѣждены, что оно благонамѣренно, и что зло, которое оно дѣлаетъ (а его, признаться, оно дѣлаетъ очень много), проистекаетъ изъ крайняго правительственнаго незнанія Россіи и средствъ къ ея лучшему управленію, изъ неумѣнія вести дѣла практически а не на бумагѣ, и изъ привычки имѣть въ виду нынѣшнюю минуту а не будущее время, интересъ тѣсно пра-

вительственный а не общее русскій, и считать людей, какъ бы по крѣпостному праву принадлежащими казнѣ, а не гражданами, членами государственнаго общества. Правительство знаетъ Россію только изъ оффиціальныхъ донесеній, которымъ оно менѣе вѣритъ, чѣмъ кто либо. Наши государственные люди или никогда не жили во внутренности Россіи или были тамъ уже чиновниками, губернаторами, командирами и проч., а потому для нихъ Россія есть terra ignota — глубокая тайна. Свѣденія теоретическія по государственному управленію, они почерпаютъ (если гдѣ либо они имѣютъ время ихъ черпать), изъ французскихъ, рѣдко изъ нѣмецкихъ книгъ, коихъ авторы извлекаютъ свои выводы и наблюденія изъ своихъ и отчасти изъ чужихъ, мало имъ знакомыхъ фактовъ. Такъ въ политической экономіи, они теперь бо́льшею частью за free trade; во 1^хъ потому, что эта система въ модѣ, что два самыя просвѣщенныя государства ей слѣдуютъ, и что самъ императоръ Наполеонъ есть ея приверженецъ; а во 2^хъ потому, что ее легче обнять, можно защищать фразами, ссылаться на авторитеты людей науки и безхлопотнѣе приводить въ исполненіе, чѣмъ противуположную — не запретительную, не грубо покровительственную, а разумно-охранительную, которую теперь особенно

разработываютъ глубокомысленные люди въ Германіи и Америкѣ, которая требуетъ короткаго знакомства съ разнообразными средствами страны, и которая должна быть руководящимъ правиломъ всякаго государства, отставшаго, въ промышленномъ отношеніи, отъ другихъ земель. Такъ въ администраціи, наши государственные люди преимущественно хватаются за Французскія и отчасти за Прусскія учрежденія, которыя представляются имъ въ идеальномъ совершенствѣ; они любятъ говорить о децентрализаціи, о мѣстной автономіи, но это только слова, которыя они тѣмъ охотнѣе употребляютъ, чѣмъ менѣе въ нихъ вникаютъ и чѣмъ менѣе расположены дать то, что̀ подъ ними дѣйствительно разумѣется. Нѣтъ! децентрализація и мѣстное управленіе существуютъ въ Европѣ только въ Англіи. Ихъ не такъ легко понять, ихъ трудно узнать даже изъ книгъ; и несостоятеленъ, для собранія свѣденій по этой части, любимый нашими бюрократами способъ отправленія за границу чиновника на два, на три мѣсяца, съ надеждою получить отъ него докладную записку, въ которой, въ краткихъ словахъ, изложена сущность дѣла. Эти учрежденія надобно изучать въ исторіи и въ жизни, умомъ свѣжимъ и здравымъ, духомъ свободнымъ и самостоятельнымъ. Они не бросаются въ глаза, а глубоко скрываются въ

общественной и частной жизни. Къ тому же, такія учрежденія не пересаживаются и не сочиняются; имъ надобно дать свободно возникнуть и развиться на самой почвѣ; они по преимуществу туземныя, самородныя произведенія. Для этаго нашимъ государственнымъ людямъ слѣдовало бы быть дѣйствительно и глубоко либеральными, а не либералами на словахъ, по модѣ, по приказанію; для этаго слѣдовало бы имъ съ радостью, съ заботливостью всматриваться въ проявленія мысли и самостоятельности въ собраніяхъ сословій и обществъ, лелѣять эти начатки и давать имъ развиваться и крѣпнуть, а не считать себя обязанными являться съ ограничительными правилами, съ временными положеніями, съ повелѣніями, съ шпіонами и всякихъ ранговъ экзекуторами для подавленія всякой свободной дѣятельности. Нѣтъ! новѣйшіе либералы, подъ прикрытіемъ фразъ и обѣщаній, остались такими же деспотами и такими же, все къ себѣ притягивающими и все рѣшающими администраторами, какими были герои временъ минувшихъ.

Мы сказали что правительство наше благонамѣренно, и не боимся это повторить: да оно благонамѣренно, но дѣйствія не отвѣчаютъ его желаніямъ: оно не можетъ, не имѣетъ средствъ

отрѣшиться отъ бумажности, составляющей его стихію, и потому — почти всѣ его распоряженія недостаточны или неудобоисполнимы; оно не въ состояніи взяться за дѣла — за дѣла важныя, обнять и вести ихъ къ цѣли, хватается за все и все вываливается изъ его рукъ; какъ ему думать о временахъ грядущихъ, когда у него не достаетъ времени и на злобы дня сего? Какъ прислушиваться къ говору и желаніямъ Россіи, когда у него свой міръ — Петербургъ съ безчисленнымъ множествомъ сановниковъ и чиновниковъ, считающихъ себя родомъ избраннымъ, перлою Россійскаго общества?*) Какъ Петербургу видѣть, въ гражданахъ, людей самобытныхъ, самостоятельныхъ, а въ Россіи — страну, требующую къ себѣ вниманія и уваженія, требующую не благодѣяній, а управленія согласнаго съ ея мнѣніями, желаніями и потребностями,

---

*) Отмѣнно забавно видѣть, внѣ Петербурга, человѣка, вышедшаго изъ административной іерархіи, и, въ Петербургѣ, человѣка, попавшаго въ эту очарованную среду: у перваго, тотчасъ спадаетъ съ глазъ волшебная повязка, уже онъ видитъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и вполнѣ понимаетъ, что дѣла не только мѣстныя, но и общія не могутъ быть заправляемы бюрократически; напротивъ того, пріобщившійся власти, уже утратилъ память, не помнитъ того, что говорилъ и думалъ прежде, и глубоко убѣжденъ что Россія можетъ управляться и идти впередъ только на помочахъ сильной, сосредоточенной администраціи, что даже децентрализація и автономія, конечно необходимыя для Россіи — со временемъ — aux calendes grecques, должны быть твореніями просвѣщеннаго Петербурга, а не провинціальной татарщины.

когда передъ его глазами, въ лицѣ пріѣзжихъ изъ губерній, только мелькаютъ подчиненные, искатели мѣстъ и просители? — Намѣренія нашихъ государственныхъ людей и хороши, но средства къ исполненію, которыми они располагаютъ, недостаточны и негодны; обстановка ихъ дурна, атмосфера удушлива, и потому дѣйствія ихъ идутъ на перекоръ собственнымъ ихъ желаніямъ. Это сознаемъ не одни мы, частные люди; это, какъ гнетъ, лежитъ на совѣсти лучшихъ нашихъ политическихъ дѣятелей; они этаго не высказываютъ, напротивъ того — бодрятся, стараются убѣждать себя и другихъ въ противномъ, но распоряженія ихъ то по шерсти, то противъ шерсти, вѣчныя ихъ полумѣры доказываютъ, что они въ борьбѣ сами съ собою, съ правилами, завѣщанными прежнею системою и требованіями новаго, возникающаго порядка вещей. Самые ярые ретрограды колеблятся, утратили бодрость духа, еще дозволяютъ себѣ разные выходки, но тотчасъ же отступаютъ и являютъ лишь безсиліе и несостоятельность. Такое неестественное, неопредѣленное, колеблющееся положеніе дѣлъ — продолжиться не можетъ. Исходъ изъ него съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе необходимымъ. И наша твердая надежда, наше упованіе на Того, Кто стоитъ выше правитель-

ственной среды, Кто не постигнутъ въ личныхъ и минутныхъ соображеніяхъ, Чьи интересы — интересы Россіи, и Чья слава — ея слава. Александръ II уже доказалъ, что онъ вовсе не думаетъ дѣлать все своими руками, по своему и для себя. Освобожденіе крестьянъ, совершенное имъ съ участіемъ губернскихъ комитетовъ, съ призывомъ экспертовъ и депутатовъ, и вопреки желаніямъ старой бюрократіи, явило Россіи и міру, что онъ желаетъ свѣта, блага для Россіи, что онъ готовъ призвать на совѣтъ людей лучшихъ и не изъ среды, его окружающей, и что онъ въ состояніи одержать надъ нею верхъ, когда убѣжденъ въ пользѣ дѣла. — Если Дума будетъ дѣйствовать умѣренно и разумно; если она укажетъ мѣры мудрыя и выкажетъ людей дѣльныхъ, то нѣтъ никакой причины думать, что Царь не приблизитъ ихъ къ себѣ, не поручитъ имъ управленія дѣлами и не утвердитъ предположеній Думы.

Вотъ еще обезпеченіе того, что положенія Думы не могутъ остаться безъ надлежащихъ послѣдствій: мудрое, полезное мнѣніе, разъ оглашенное даже частнымъ человѣкомъ, становится силою; но оно имѣетъ несравненно болѣе могущества, если высказано представителями цѣлаго и огромнаго народа. Разогнать Думу конечно можно, но каж-

дый, такимъ образомъ возвратившійся во свояси народный представитель, сдѣлается центромъ противудѣйствія правительству; въ наши времена такія разпорядки не укрѣпляютъ правительства, а его губятъ. Нѣтъ! Положенія Земской Думы не могутъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

III.

Какъ предлагать созывъ Общей Земской Думы прежде чѣмъ устроятся и утвердятся уѣздныя и губернскія всѣсословныя совѣщательныя собранія! Надобно сперва утвердить основанія для зданія, вывести стѣны и уже потомъ его завершать куполомъ.

Дѣйствительно слѣдовало бы идти впередъ такъ, какъ совѣтуютъ эти благоразумные люди; ибо въ мѣстныхъ собраніяхъ граждане привыкли бы къ совѣщаніямъ и къ порядку, который долженъ при нихъ соблюдаться; сверхъ того, разныя сословія легче и скорѣе бы сблизились, люди между собою бы ознакомились, и узнали бы вѣрнѣе общія и мѣстныя нужды. Тутъ, на поприщѣ нѣсколько ограниченномъ, постерлись бы угловатости, неизбѣжныя въ людяхъ, не привыкшихъ къ об-

щимъ совѣщаніямъ, поумѣрились и осѣли бы мнѣнія крайнія и образовались бы характеры политическихъ дѣятелей. Все это мы вполнѣ сознаемъ, и нимало не думаемъ возражать противъ такихъ несомнѣнныхъ истинъ; но позволимъ себѣ спросить: Возможенъ ли у насъ такой постепенный переходъ къ политической жизни?

При указываемомъ способѣ, положеніе для уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій должно быть сочинено въ Петербургѣ — бюрократіею, хотя бы даже съ призывомъ экспертовъ и депутатовъ, и съ повтореніемъ всего того, что дѣлалось на берегахъ Невы, по случаю освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ сочиненное Положеніе не можетъ не быть для всѣхъ гражданъ равно неудовлетворительнымъ и къ тому же неудобоисполнимымъ; ибо оно зачнется при опасеніяхъ чего то, будетъ составляться подъ вліяніемъ желанія дать какъ можно меньше и удержать какъ можно больше, будетъ разсматриваться въ комитетѣ, гдѣ на одного депутата посадятъ трехъ чиновниковъ, и наконецъ оно подвергнется окончательному пересмотру въ такомъ учрежденіи, гдѣ никто Россіи не вѣдаетъ и гдѣ озаботятся лишь тѣмъ, какъ бы рѣшительнаго, положительнаго сказать по меньше, и дѣло съ рукъ сбыть. Постановленіе, въ такомъ видѣ

утвержденное, отправится къ исполненію въ губерніи. Начальники губерній, подражая пославшимъ ихъ, всячески постараются еще стянуть петли, приготовленныя бюрократіею, и непремѣнно сочтутъ долгомъ вмѣшиваться въ дѣла собраній. Вѣдь необходимо этимъ сановникамъ представлять собранія бунтующими, доносить что ловкостью и энергіею эти ярые крамольники были укрощены, и такимъ образомъ добывать себѣ чины, звѣзды, земли или аренды. Уѣздныя и губернскія собранія, при такомъ порядкѣ вещей, не успокоятъ, не удовлетворятъ ни вотчинниковъ, ни крестьянъ, ни горожанъ, а напротивъ того, они послужатъ только къ общему раздраженію умовъ. Они даже не доставятъ мѣстностямъ улучшеній по управленію, по устройству дорогъ, мостовъ и пр.; ибо навѣрное и тутъ въ пользу власти удержатся инструкціи, разрѣшенія, утвержденія и пр. Правительство, съ своей стороны, будетъ все болѣе и болѣе раздражаться неблагодарностью людей, не чувствующихъ того, что для нихъ сдѣлано, и простирающихъ свои домогательства все далѣе и далѣе. — Уѣздныя и губернскія всѣсословныя собранія необходимы для Россіи, и у насъ они будутъ особенно полезны; но они должны быть устроены и утверждены Общею Земскою Думою.

Необходимо измѣнить систему высшей администраціи, безъ чего никакое новое, мѣстное учрежденіе преуспѣвать не можетъ; а это измѣненіе можетъ быть произведено только Земскою Думою, собранною въ сердцѣ Россіи, въ виду Россіи и самаго Царя.

Позволимъ себѣ еще спросить людей, благодушно вѣрящимъ въ возможность существованія у насъ теперь настоящихъ всѣсословныхъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній: думаютъ ли они что, безъ собранія Земской Думы, административная система можетъ измѣниться? или полагаютъ они что, при нынѣ дѣйствующей системѣ, дѣятельность упомянутыхъ собраній возможна? Мы съ своей стороны не вѣримъ возможности ни того, ни другаго. Не вѣримъ первому, потому что теперь нѣтъ въ распоряженіи верховной власти элементовъ для составленія новой администраціи; что люди нынѣ ее образующіе не въ состояніи, какъ мы выше указали, измѣнить свой образъ дѣйствія; и что сфера правительственная должна преобразоваться перемѣною лицъ и всей ихъ обстановки нравственной и вещественной. Мы не вѣримъ послѣднему потому, что по опыту знаемъ, что уѣздныя и губернскія совѣщательныя учрежденія не могутъ имѣть никакого полезнаго дѣйствія, пока они не будутъ

вполнѣ оставлены на свой произволъ; пока они не проникнутся убѣжденіемъ, что имъ не на кого сваливать заботы и не кого бояться; и пока губернаторы и жандармы не перестануть быть единственными историками ихъ дѣйствій, словъ и даже намѣреній.

Впрочемъ мы вовсе не думали отвергать необходимость уѣздныхъ и губерскихъ собраній, предшествующихъ собранію Общей Думы. Напротивъ того, мы сказали (стр. 40 и 41 нашей вышеупомянутой книжки), что сперва въ уѣздѣ, а потомъ въ губерніи, выборные должны собраться, потолковать о своихъ мѣстныхъ нуждахъ, и уже въ заключеніе своихъ дѣйствій избрать выборныхъ для Земской Думы. Слѣдовательно люди успѣютъ нѣсколько ознакомиться, узнать мнѣнія другъ друга и составить предположенія на счетъ мѣстныхъ потребностей. Но мы рѣшительно не допускаемъ пользы и дѣйствительности уѣздныхъ и губернскихъ собраній безъ *одновременнаго* объявленія о созывѣ Общей Думы. Только такое объявленіе, только такая надежда дадутъ имъ жизнь и значеніе, и утвердятъ ихъ на настоящихъ, прочныхъ основаніяхъ.

Что касается до недостатка постепенности при учрежденіи Думы, то это обстоятельство вовсе не

должно насъ устрашать. И освобожденіе крестьянъ длилось у насъ не вѣкъ и производилось не мало по малу, какъ то было въ Германіи и другихъ странахъ; и просвѣщеніе вообще мы принимали не по каплямъ, не въ исторической послѣдовательности. Порывы, скачки болѣе въ нашей натурѣ, чѣмъ медленное, постепенное шествіе. Синтезисъ есть наша метода. И люди, которые этаго не понимаютъ, всегда будутъ не у дѣла а — позади его.

IV.

Какъ думать что члены Думы будутъ иными людьми, болѣе мудрыми, болѣе знающими и менѣе приверженными къ своимъ или сословнымъ интересамъ, чѣмъ тѣ, которые явились въ видѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ или чѣмъ нынѣшніе государственные люди, которые всѣ изъ дворянскаго же сословія! Неужели вы полагаете, что министры изъ крестьянъ будутъ способнѣе вести дѣла государственныя?

Мы вовсе не думаемъ, что крестьяне попадутъ въ министры. Хотя между ними есть люди отмѣнно умные и дѣльные, но они не имѣютъ тѣхъ общихъ свѣденій и соображеній, которыя необходимы для управленія государственными дѣлами; а потому о порученіи имъ министерскаго

портфеля не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до первой части упрека, то мы постараемся, доказать что члены Думы будутъ совершенно иными людьми, чѣмъ были депутаты отъ губернскихъ комитетовъ и чѣмъ нынѣшніе государственные люди.

Не будемъ говорить о томъ, что депутатамъ дана была отъ правительства такая странная инструкція и что правительствомъ они были поставлены въ такое неслыханное положеніе, что они не имѣли возможности явиться даже тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно были. Это высказано было прежде и сознается всякимъ нѣсколько безпристрастнымъ человѣкомъ, даже изъ бюрократовъ. Но депутаты были отъ комитетовъ, составленныхъ по избранію однихъ помѣщиковъ или по назначанію правительства, и учрежденныхъ въ то время, когда дворянство, какъ сословіе, имѣло одну задушевную мысль: какъ бы отстоять свои права. Надобно или не не знать европейской исторіи или быть до крайности недобросовѣстнымъ, чтобы теперь, по совершившемся фактѣ, не отдавать справедливости русскому дворянству за его умѣренныя, скажемъ, благородныя дѣйствія по освобожденію крестьянъ. Вспомните только дѣла Остзейскихъ помѣщиковъ, освобождающихъ своихъ крестьянъ въ теченіи

цѣлаго столѣтія, и сохраняющихъ даже *до дня сего* барщину въ значительныхъ размѣрахъ Вспомните ихъ протесты и интриги. Русскіе дворяне, въ отношеніи къ крестьянству, были конечно малосильны, и правительство могло издать законъ, не спросясь ихъ; но развѣ нѣмецкіе бароны, окруженные непріязненно къ нимъ расположеннымъ народонаселеніемъ, были могущественнѣе? Развѣ русское дворянство не могло потребовать выкупа за души, отказаться отъ надѣленія крестьянъ землею и, при неудовлетвореніи правительствомъ ихъ желаній, стать въ сторону и предоставить ему одному приводить въ исполненіе изданный имъ законъ? Что бы тогда сдѣлало правительство? Напротивъ того, русское дворянство, чрезъ своихъ просвѣщенныхъ членовъ, стало тотчасъ на сторону правительства въ этомъ его благомъ начинаніи, одобрило указанныя имъ начала, и сильно помогало ему, не обращая вниманія на противодѣйствіе, гнѣвъ и угрозы большинства. А это большинство, въ которое, во время борьбы, было пущено (отчасти и нами) столько камней; развѣ оно предалось тайному, но сосредоточенному, не бездѣйственному негодованію или безразсуднымъ выходкамъ, враждебно отнеслось къ обнародованному Положенію, и употребило всѣ свои силы къ противудѣ-

ствію мѣрамъ правительственнымъ? Нѣтъ! будучи въ душѣ Русскимъ, имѣя совѣсть и усердіе ко благу отечества, оно тотчасъ озаботилось приведеніемъ въ исполненіе изданнаго Положенія, котораго многія постановленія для него тяжелы, а нѣкоторыя и вовсе неисполнимы. Оно увидѣло, что закономъ опредѣленная барщина можетъ существовать на бумагѣ, а не на дѣлѣ; а потому оно поспѣшило обязательный трудъ замѣнить оброкомъ, и, усматривая необходимость окончательно расчесться съ крестьянами и стать къ нимъ въ добрыя, свободныя, сосѣдскія отношенія, оно готово даже идти на выкупъ, получая свидѣтельства, которыхъ дѣйствительная цѣнность такъ неопредѣленна и невѣрна. Слѣдовательно теперь должно не заподозривать, не унижать людей, къ дворянству принадлежащихъ, а отдавать этому сословію должную справедливость. — Въ собраніяхъ дворянства, бывшихъ въ нынѣшнемъ году, оно явилось не для защиты своихъ оставшихъ привилегій, не для изходатайствованія себѣ, какъ сословію, новыхъ преимуществъ, не для того чтобы какими ли отгородками утвердить свое изключительное бытіе. Напротивъ того, почти вездѣ оно высказало желаніе соединиться съ народомъ, и просило, чтобы права, принадлежащія помѣщикамъ были распро-

странены на землевладѣльцовъ всѣхъ сословій, чтобы были въ совѣщательныя собранія призваны выборные отъ всѣхъ состояній, и чтобы этимъ всѣсословнымъ учрежденіямъ поручено было завѣдывать мѣстныя административныя дѣла. — Прежніе депутаты были повѣренные отъ помѣщиковъ; будущіе будутъ выборные отъ всѣхъ сословій. Прежніе члены были избраны до обновленія страны освобожденіемъ крестьянъ; будущіе изберутся послѣ того, какъ громадная, коренная перемѣна совершилась въ умахъ помѣщиковъ и крестьянъ, въ ихъ быту и въ взаимныхъ ихъ другъ къ другу отношеніяхъ. Къ тому же что̀ видимъ мы ежедневно? — Либералы, попавшіе въ министры нынѣшней системы, становятся реакціонерами; помѣщики - крѣпостники, назначенные въ должность мировыхъ посредниковъ, дѣлаются судьями и исполнителями не только безпристрастными, но даже пристрастными къ крестьянскимъ интересамъ. Мало этаго: головы, избираемые крестьянами, не замѣдляютъ быть строгими исполнителями закона и вовсе не потатчиками крестьянъ ихъ избравшихъ. Что̀ все это значитъ? Это значитъ то, что въ русскомъ характерѣ есть замѣчательная черта: мы какъ разъ становимся тѣмъ, чѣмъ мы быть должны. Мы не порабощены ни сословными, ни личными интересами;

наша природа не узкая, не скудная, не расположенная къ окамененію; нашъ смыслъ практиченъ, наша воля сильна, и наша совѣсть (что отмѣнно важно) не позволяетъ одновременно служить двумъ господамъ. Все это несомнѣнно удостовѣряетъ насъ въ томъ, что члены будущей Земской Думы, избранные всѣми сословіями будутъ не депутатами отъ чисто помѣщичьихъ губернскихъ комитетовъ, а представителями всего народа русскаго.

Члены Земской Думы не будутъ и нынѣшними бюрократами, ибо послѣдніе, съ молодыхъ лѣтъ, попали въ писцы, столоначальники, секретари и пр.; весь свой вѣкъ тянули терпѣливо, съ самоуничтоженіемъ, лямку службы, привыкли дѣйствовать не по собственнымъ убѣжденіямъ а въ видахъ своихъ начальниковъ, приучились не дѣло дѣлать, а бумаги съ рукъ спускать. Эти люди столько же мало знакомы съ дѣйствительностью, сколько они наметались къ бумажному и форменному производству; для нихъ Россія есть annexe къ Петербургу, люди — цифры, значущіяся въ вѣдомостяхъ, а дѣла — номера журналовъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ. Совсѣмъ не такими явятся члены Земской Думы, взятые изъ жизни и долженствующіе опять, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратиться въ очистительное ея горнило. Можно навѣрное ска-

зать, что въ первую Думу не попадетъ ни одинъ изъ чиновниковъ, на службѣ находящихся; такъ эти господа для всѣхъ невыносимы!

Каковы будутъ выборы? Трудно заранѣе положительно на это отвѣтить, но думаемъ что въ мѣстныхъ общесословныхъ собраніяхъ, которымъ даны будутъ время и свобода ознакомиться съ дѣлами и съ лицами, его составляющими, выборы падутъ на людей дѣльныхъ, благонамѣренныхъ, имѣющихъ мнѣнія отнюдь не крайнія и въ особенности на людей съ совѣстью. И потому мы надѣемся, что будущая, даже первая наша Земская Дума удивитъ своимъ благоразуміемъ, точно такъ, какъ обнародованное освобожденіе крестьянъ поразило всѣхъ своимъ спокойнымъ и мирнымъ теченіемъ.

V.

Созывать Земскую Думу — значитъ вести Россію къ революціи, т. е. къ повторенію у насъ Etats Généraux, превратившихся въ конвентъ и заключившихъ свои дѣйствія событіями 1792-го года, съ проскрипціями, гильотиною, noyades и пр.

Нѣтъ! господа, не созваніе Земской Думы открываетъ, подготовляетъ поприще для революціи, какъ вы ее понимаете; а скорѣе и вѣрнѣе ее производятъ дѣйствія, со стороны правительства, нерѣшительныя и противорѣчащія, шагъ впередъ и шагъ назадъ, повелѣнія и законы неудобоисполнимые, оковы налагаемыя на мысль и слово, полицейское (явное и тѣмъ еще хуже тайное) наблюденіе за дѣйствіями сословій и частныхъ людей,

мѣлочныя преслѣдованія нѣкоторыхъ личностей, расхищенія казны, чрезмѣрные и неразумные ея расходы и награды, неспособность государственныхъ людей и ихъ отчужденность отъ Россіи, и пр. и пр. Еще вѣрнѣе могутъ довести до революціи (опять въ вашемъ смыслѣ), въ странѣ только очнувшейся отъ многолѣтняго гнѣта, военныя экзекуціи, казематы и ссылки: ибо раны наболѣвшія несравненно чувствительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ язвы новыя. Но не опасайтесь: революціи, произведенной во Франціи, какъ вы полагаете, журналистами и другими писателями — у насъ не будетъ. Надѣемся также, что въ Россіи не составится (хотя за это отвѣчать труднѣе) общество горячихъ, отчаянныхъ головъ, которые изберутъ убійство средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей. Но гораздо вѣроятнѣе и опаснѣе то, что возникнетъ, незамѣтно для земской, городской и тайной полиціи, подъ вліяніемъ раскола, согласіе между крестьянами и мѣщанами, къ которымъ присоединятся молодые и не молодые люди, сочинители и приверженцы Великорусса, Молодой Россіи и пр. Такое согласіе, все уничтожающее и проповѣдующее равенство не передъ закономъ, а вопреки ему, не народную, историческую общину, а болѣзненное ея изчадіе, и власть не разума, которую такъ боятся нѣкоторые государ-

ственные дѣльцы, а власть грубой силы, къ которой они сами такъ охотно прибѣгаютъ, — такое согласіе, говорю, у насъ гораздо возможнѣе и оно можетъ быть гораздо сильнѣе, чѣмъ умѣренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиція правительству, которая такъ противна нашимъ бюрократамъ и которую они всячески тѣснятъ и стараются удушить. Не думайте, что партія внутренней, тайной, безъименной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ея вѣтви и корни; нѣтъ! воспрещеніемъ молодежи доучиться, возведеніемъ шалостей въ чинъ государственныхъ преступленій, всякими мелочными преслѣдованіями и наблюденіями, вы удесятерили силу этой партіи, разсѣяли и размножили ее по имперіи. При взрывѣ такого согласія, къ чему прибѣгнутъ наши государственные люди? — Къ военной силѣ? Но можно ли будетъ на нее навѣрное расчитывать? Къ тѣмъ независимымъ, здравомыслящимъ людямъ, которымъ они такъ тщательно клали печать на уста? Но эти люди, ихъ разумные и умѣренные голоса будутъ безсильны при разгарѣ дикихъ страстей. Слѣдовательно не зачина революціи, а кроваваго исхода реакціи должно опасаться и всячески избѣгать. — Зачинъ революціи! Но развѣ мы, не на всѣхъ парусахъ уже идемъ по морю рево-

люціи? Всѣ законы, всѣ уставы, всѣ положенія измѣняются; всѣ состоянія становятся другъ къ другу и къ власти въ иныя отношенія; умы въ сильнѣйшемъ броженіи; неудовольствіе вездѣ; никто не знаетъ, что будетъ завтра въ отношеніи его собственности, его правъ, государственныхъ и общественныхъ отношеній. Развѣ это не революція? Такъ что же это такое? Неужели это statu quo? Нѣтъ! мы въ полной революціи и мы всѣ должны теперь быть озабочены изысканіемъ вѣрнаго средства къ исходу изъ нея, къ ея завершенію и къ тому, чтобы этотъ временной недугъ очистилъ наши соки, успокоилъ наши нервы и доставилъ намъ вождѣленное здравіе. И такимъ средствомъ можетъ быть только созваніе, на общій совѣтъ, лучшихъ людей страны. Несостоятельность ваша и вашей системы очевидна — очевидна для Россіи и для прочихъ государствъ, очевидна для безграмотнаго крестьянина и для образованнаго гражданина, очевидна для вашихъ подчиненныхъ и даже для каждаго изъ васъ, по дѣламъ не его вѣдомства или безъ участія его совершеннымъ. Такъ не пугайте же сказками, которымъ вы сами не вѣрите; не клевещите на людей, пламенно любящихъ свое отечество и искренно преданныхъ своему государю; и не перечьте верховной власти въ при-

нятіи единственнаго средства къ мирному и благому исходу изъ нынѣшняго положенія Россіи.

Присовокупимъ еще два слова: Скажите: когда разширеніе правъ, добросовѣстно сдѣланное и исполненное, возмущало народы? Когда и гдѣ оно сопровождалось кровавыми событіями? Въ замѣнъ того, мы беремся представить много примѣровъ гибельной борьбы и несчастныхъ послѣдствій, порожденныхъ правительственною реакціею. Къ тому же тактика, вами избранная, т. е. запугиваніе — уже не новость. На нашихъ глазахъ, еще вчера, вы устрашали послѣдствіями освобожденія крестьянъ, бунтами, избіеніемъ помѣщиковъ и пр., а между тѣмъ этотъ великій переворотъ возвѣщенъ и продолжается мирно и спокойно, не смотря на всѣ ваши неумѣстныя реглементаціи, странныя ограниченія и разныя стѣснительныя постановленія. Не свобода, не разширеніе правъ, не призывъ народа къ участію въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ — опасны; не они сопровождаются возмущеніями и кровью; но опасно задержаніе народа на низшей степени развитія, чѣмъ та, на которую онъ имѣетъ право; гибельны: разгулъ правительственнаго произвола, нарушеніе имъ законовъ, заключеніе людей въ горькую необходи-

мость быть преступниками изъ любви къ отечеству и умноженіе такихъ мучениковъ. Власть безсильна противъ убѣжденій и общенародныхъ требованій; минутныя успѣхи для нея бѣдственнѣе самихъ пораженій.

Еще другія, менѣе важныя возраженія были намъ сдѣланы; ихъ мы пройдемъ молчаніемъ; но мы считаемъ необходимымъ отвѣтить вкратцѣ на нѣкоторые вопросы, которые были намъ предложены:

По какому поводу созвать Земскую Думу?

Поводовъ къ ея созыву достаточно: во 1-хъ, дворянство нѣсколькихъ губерній уже просило о собраніи выборныхъ отъ всей земли Русской; другія губернія не замедлятъ обратиться съ такими же просьбами; во 2-хъ, дѣла, требующія неукоснительнаго рѣшенія такъ важны, что при нынѣшнемъ общественномъ настроеніи, даже неприлично ихъ вершить, не спросясь тѣхъ, для кого законы должны быть обязательными; и въ 3-хъ, при конституціонализмѣ, все болѣе и болѣе утверждающемся въ Европѣ и завоевающемъ даже Австрію, теперь всякій призывъ гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ своевременъ, благовременъ и не требуетъ никакихъ постороннихъ оправданій.

Какъ составить Земскую Думу?

На этотъ вопросъ мы уже, въ короткихъ словахъ, отвѣчали на страницахъ 40 и 41 нашей нѣсколько разъ упомянутой книжки, и въ статьяхъ напечатанныхъ въ журналѣ „День," и готовы дать всякія объясненія на положительные вопросы, которые по сему предмету будутъ намъ предложены. Мы считаемъ существеннымъ настаивать на одномъ: на томъ, чтобы эти первые выборы были какъ можно менѣе регламентированы бюрократіею, и чтобы они, какъ можно болѣе были предоставлены на усмотрѣніе и рѣшеніе здраваго русскаго смысла, вовсе не чуждаго дѣлъ избирательныхъ.

Какъ оградить верховную власть отъ неумѣстныхъ притязаній Думы?

Опасеніе неумѣстныхъ притязаній со стороны Думы въ отношеніи къ правительству — совершенно неосновательно и напрасно. Самодержавіе Царя (разумѣется не безчисленнаго множества царьковъ) остается во всей своей полнотѣ; утвержденное, укорененное въ народѣ, оно такъ сильно, что нѣтъ для него опасностей извнѣ. Дума будетъ

только совѣщательнымъ собраніемъ; ея сила будетъ заключаться въ ея благоразуміи, умѣренности и знаніи. Слѣдовательно для самодержавія, она не только не опасна, но съ ея помощью, оно можетъ дѣйствовать гораздо свободнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ теперь, при безпрестанныхъ ложныхъ страхахъ бюрократіи и при ея еще менѣе разумныхъ самообольщеніяхъ и надеждахъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ высказать: чѣмъ скорѣе созовется Дума, тѣмъ она будетъ благотворнѣе. — Положеніе наше не улучшается; напротивъ того, оно запутывается, дѣлается все болѣе и болѣе бѣдственнымъ, и грозитъ превратиться въ состояніе безвыходное. Дѣла, состоящія на безотлагательной очереди (преобразованіе внутренняго управленія, судопроизводства и выборныхъ собраній, улучшеніе финансовъ и денежнаго рынка, оживленіе кредита, торговли и промышленности, утвержденіе ихъ на началахъ прочныхъ и широкихъ, выкупъ мірскихъ земель, введеніе свободы тисненія и пр.) или вовсе не разрѣшаются, или только изкажаются, усложняются выходящими временными правилами и другими постановленіями; потребность въ изключительныхъ мѣрахъ, стано-

вится съ каждымъ часомъ все сильнѣе; принятіе же ихъ только раздражаетъ людей, приводитъ дѣла въ бо̀льшій безпорядокъ, не укрѣпляетъ а разслабляетъ правительство; государственные люди издерживаютъ свои силы на суетливую дѣятельность, видимо мельчѣютъ и теряютъ всякое значеніе; — а между тѣмъ разные признаки: общее неудовольствіе, общая во всемъ задержка, общія опасенія, какъ будто предвѣщаютъ грозу. Все это несомнѣнно указываетъ на необходимость принятія мѣры рѣшительной и коренной къ исходу изъ нынѣшняго кризиса. Такою мѣрою можетъ быть только созваніе выборныхъ отъ всей земли на общій совѣтъ. Это чувствуется, сознается все живѣе и живѣе, все глубже и глубже. Это желаніе, это сознаніе усиливается, быстро распространяется во всѣхъ концахъ Россіи. Удовлетвореніе такой потребности, исполненіе просьбъ по сему предмету поступающихъ, утѣшитъ и успокоитъ всѣ сословія, всѣхъ друзей порядка и законности. Чѣмъ скорѣе, чѣмъ свободнѣе, чѣмъ предупредительнѣе примется эта великая мѣра, тѣмъ вѣрнѣе и благодѣтельнѣе она будетъ. Царь, уже высоко стоящій въ народной любви и народномъ уваженіи, поднимется до такого величія, какого не досягалъ ни одинъ вѣнценосецъ. Государь, совершившій такъ

благовременно и такъ мудро великое дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія, обязанъ передъ собою и народомъ, возвести его въ званіе свободныхъ гражданъ, призвать его къ участію въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, все подчинить закону и оградить себя отъ бѣдствій безграничнаго произвола.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера & Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.